

в книге, но, вероятно, существовавшей здесь, как и в других местах, пашни «наездом».

Можно с уверенностью сказать, что обыскные книги позволят решить и многие другие исторические вопросы.

Ю. А. ЛИМОНОВ

«ЗАПИСКИ О МОСКОВСКОЙ ВОЙНЕ» РЕЙНГОЛЬДА ГЕЙДЕНШТЕЙНА И РУССКИЕ ЛЕТОПИСИ

Перу Рейнгольда Гейденштейна, известного польского историка и дипломата второй половины XVI в., принадлежит несколько трудов.¹ Наиболее интересной работой является история войны Стефана Батория с Московией. Книга, вышедшая в 1584 г. (или в 1585 г.), принесла ему известность. Она носит следующее название: «*De bello Moscovitico Commentariorum libri sex*». В русском переводе книга получила заглавие «Записки о Московской войне». Эта работа вошла как составная часть в другое сочинение Гейденштейна — «*Rerum Polonicarum ab excessu Sigismundi Augusti libri XII*», — опубликованное только в 1672 г.

Исключительная ценность труда Гейденштейна заключается в том, что как королевский секретарь он мог пользоваться материалами личной канцелярии короля, как приближенный Яна Замойского — архивом канцлера. Ему были известны реляции с поля боя во время русско-польской войны, он мог также получать любые сведения от непосредственных участников сражений. Его книга содержит значительные экскурсы в русскую историю с древнейших времен до середины XVI в. Она представляет большой интерес для изучения истории России за рубежом, ибо основана на русских источниках, летописях, на которые ссылается сам автор. Выяснение этих источников даст возможность определить тот комплекс материалов, который был введен в научный оборот Гейденштейном, а через него и в европейскую историографию, так как его трудом много и охотно пользовались западные историки, например знаменитый французский историк Жак де Ту. Тем более что вопрос о русских источниках «Записок» Гейденштейна не ставился ни в польской, ни в советской историографии.

В России «Записки о Московской войне» были изданы А. Старчевским в собрании сочинений иностранных писателей

¹ Polski Słownik Biograficzny, t. IX/3, zeszyt 42. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1961, s. 342—344. — О трудах Гейденштейна и историографии (отметим, весьма незначительной) см.: Bibliografia Literatury Polskiej. Nowy Korbut, t. 2. Warszawa, 1964, s. 253.

о России. В конце XIX в. сочинения Гейденштейна были переведены на русский язык и изданы Археографической комиссией. Этот перевод использован в настоящей работе.²

В своем труде Гейденштейн неоднократно ссылается на русские летописи. Более того, автор «Записок» хорошо различал принадлежность «русских хроник». В историческом очерке, посвященном Пскову, Гейденштейн упоминает «псковские летописи»,³ а в ряде других случаев ссылается на «московские летописи».⁴ Не исключена возможность, что ему были известны и несохранившиеся полоцкие летописи.⁵ Отметим также, что из полоцких трофеев — русских летописей одна сохранилась до нашего времени. Речь идет о Псковской I летописи, которая находится в Национальной библиотеке в Варшаве в фонде Библиотеки Замойских.⁶

В своем труде Гейденштейн трижды обращается к русской истории. Это обстоятельный отрывок в начале «Записок о Московской войне». Он содержит изложение русской истории от варягов до Ивана Грозного. Второй отрывок посвящен истории Пскова. В нем сообщаются важнейшие события с древнейших времен до присоединения города к Московскому государству. И наконец, третий содержит сведения по истории Полоцка.

Какими же источниками пользовался Гейденштейн при изложении истории Руси в начале своей книги? Рассмотрим первый отрывок. В нем Гейденштейн пишет о Калке. Битву он датирует 1224 или 6732 г., «как считают русские». Гейденштейн сообщает, что татары выступили вначале против половецкого хана Котяна,

² *Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI. Berolini et Petro- poli, 1841; Рейнгольда Гейденштейна Записки о Московской войне (1578—1582). СПб., 1889 (далее — Гейденштейн).* В настоящей работе был также использован экземпляр первого издания книги, хранящийся в БАН. При сверке текста перевода и первого издания особых различий географических названий и собственных имен не обнаружено. Исключение составляет название Пскова, в латинском издании везде читаем «Plescov» (Плесков). И второе: в рассказе о рождении князя Владимира читаем «Malc» (Малк), а не «Малх», как у издателей перевода. («Novgardiam Vlodimiro Malci cuiusdam Lubkani, ut annales habent, filio ex ancilla Olgae Plescoviensis suscepto concessit», БАН 4953f 923, Reinoldi Heidensteini De bello Moscovitico commentariorum lib. sex. Cracoviae, 1584, p. 22; ср.: Гейденштейн, с. 20).

³ Гейденштейн, с. 195.

⁴ Там же, с. 264.

⁵ Об этом писал еще польский историк Б. Коцовский. См.: K o s o w s k i B. Trzej Padewczycy. Wplyw Batorego i Zamoyskiego na dzialalnosc R. Heidensteina. Lwow, 1939, s. 146. — Приношу глубокую благодарность Я. Н. Шапову, указавшему на работу Б. Коцовского, а также ознакомившему со своей статьей «Библиотека Полоцкого Софийского собора и библиотека Академии Замойской. Эпизоды из истории культуры Восточной Европы XV—XVII вв.».

⁶ *Biblioteka Narodowa, BOZ sim 78.* — О ее описании см.: Рогов А. Н. Кириллические рукописи в книгохранилищах Польши. — *Studia Zrodloznawcze.* XIV. Warszawa—Poznan, 1969, s. 153—154.

который призвал на помощь своего зятя Мстислава Романовича, князя черниговского и киевского. В союзе с последним выступили и другие русские князья. В сражении 17 июня татары одержали победу, «перебив 11 русских князей и 70 богатырей (героев)». Обращает на себя внимание упоминание о 70 богатырях. Как установил Д. С. Лихачев, эта вставка позднейшая. Она свойственна только летописным сводам XV в. или памятникам, которые базируются на этих сводах.⁷ Все это позволяет предположить, что автор «Записок» использовал позднейшие летописи.

Действительно, анализ Новгородской IV летописи, в которой отразился Новгородско-Софийский свод XV в., дает интересные параллели к известию Гейденштейна. Дата битвы отнесена к 16 июня 1224 г. Половецкий хан назван Котьяном. Но его зять именуется «Мстиславом князем Черниговским» — у Гейденштейна о нем говорится как о князе «Черниговском и Киевском». Очень интересна концовка сообщения: «Тогда убиен от Тотар над рекою над Калком великий князь Киевский Мьстислов Романовичь, княжив лет 10, а иных князей 10; убиша Александра Поповича, а с ним богатырь 70».⁸ Как видим, здесь указано, что убитых князей было 11, как у Гейденштейна.

Существование подобных чтений позволяет заключить, что 11 убитых князей на Калке — отнюдь не плод фантазии Гейденштейна. Польский историк заимствовал подобное сообщение из русских летописей. Одновременно надо прийти к выводу, что автор «Записок», возможно, при написании очерка русской истории пользовался не одним, а несколькими источниками. Причем один из них был летописный и, видимо, сохранился, если ориентироваться на известие о Калке, Новгородско-Софийский свод 1448 г.

Гейденштейн сообщает, что в 6745 г. татары под предводительством Батыея поработили всю Русь. Первыми попали под власть завоевателей рязанские и владимирские князья. И хотя в дальнейшем русские неоднократно «вступали с ними (т. е. с татарами, — Ю. Л.) в войну, Русь должна платить им дань». Рассказывает Гейденштейн и о московских князьях. Причем первое их упоминание относится ко времени Батыея и захвата татарами Москвы.⁹

Текстологический анализ настоящего отрывка требует большого внимания и осторожности. Несмотря на дату от сотворения мира, источник отрывка может принадлежать не только к рус-

⁷ Лихачев Д. С. Летописные известия об Александре Поповиче. — ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, с. 17, 23. — Д. С. Лихачев пишет: «... вставка о гибели „храбров“ была первоначально сделана во Владимирский полихрон Фотия 1423 г. (по Приселкову, 1418 г.), откуда перешла в Хронограф 1442 г., с одной стороны, и в свод 1448 г. (т. е. Новгородско-Софийский свод 30-х годов XV в.) — с другой. Из последнего эта вставка перешла в большинство летописей второй половины XV и XVI вв.» (там же, с. 25).

⁸ ПСРЛ, т. IV, Л., 1925, с. 202—203. — Из-за сокращений текст Софийской I значительно отличается от Новгородской IV.

⁹ Гейденштейн, с. 22.

ским памятникам. О захвате Руси Батыем сообщает и Герберштейн, причем под той же датой (6745 г.). Действительно, отдельные выражения «Записок о московитских делах» и «Записок о Московской войне» очень близки. Так, например, о князьях, об их подчинении татарам, об их войнах.¹⁰

Но было бы ошибочно полагать, что Герберштейн — единственный источник. Рассказ о нашествии Батые основан и на втором источнике. Им является русская летопись. В Новгородской IV читаем в статье под 6745 г.: «Тое же зимы приидоша с восточныя страны безбожныя Тотарове с царем Батыем на землю Рязанскую лесом». Далее говорится о разгроме Владимира. Эта часть статьи даже выделена заголовком: «О Володимере». Сообщается и о захвате Москвы, причем фрагменты летописи и «Записок» почти совпадают.

Определение одного из источников сочинения Гейденштейна — Новгородской IV летописи — во многом способствует дальнейшему анализу. Гейденштейн подробно рассказывает о междоусобице на Руси в конце XIII — начале XIV в. Он сообщает, что «спор из-за власти и великого княжества Владимирского» разгорелся «в 6812 году от сотворения мира», после смерти великого князя Андрея Александровича. Разногласия произошли между Георгием Даниловичем, князем московским, и Михаилом Ярославичем, князем тверским. Татарский хан, который играл роль арбитра в этом споре, решил дело в пользу Михаила, а Георгий был задержан в ханской ставке. Но через некоторое время, «в лето 6825», великое княжение было передано московскому князю.¹¹ Эпизод целиком заимствован из Новгородской IV летописи, хотя в ней события освещены безусловно более подробно.¹² Новгородский памятник послужил источником Гейденштейну и при рассказе о начальной истории Руси.¹³

Представляет интерес известие, в котором сообщается, что Святослав оставил в управление своему сыну Ярополку Киев, второму сыну Олегу дал Древлянскую область, а Новгород же «предоставил сыну Владимиру, рожденному от служанки Ольги, дочери, как говорят летописи, какого-то Любечанина Малха». Как видим, здесь дается определенная ссылка на летопись, которую можно идентифицировать с Новгородской IV. Ее текст безусловно более подробен, чем сообщение Гейденштейна. Но можно предположить, что именно отсюда польский историк заимствовал свои сведения. «Святослав посади Ярополка в Киеве, а Олга в древлянех». Далее говорится о просьбе новгородцев дать им Владимира по совету Добрыни. «Володимир бо бе от Малуши, ключнице Ольжины, сестра же бе Добрыня, отец бе

¹⁰ Герберштейн. Записки о московитских делах. СПб., 1908, с. 10.

¹¹ Гейденштейн, с. 22.

¹² ПСРЛ, т. IV, с. 252, 253, 257.

¹³ Там же, с. 11; ср.: Гейденштейн, с. 20.

има Малка Любчанин». ¹⁴ Комплекс сообщений Гейденштейна совпадает с известиями Новгородской IV летописи.

Польский историк рассказывает о бегстве Владимира за море, о его возвращении, о захвате им Киева. Он также сообщает: «От Владимира произошли, как говорит предание, все русские князья. Оставив двенадцать сыновей и разделив между ними всю Русь, он передал власть и главный престол киевский старшему сыну Святополку». ¹⁵ Летописи превосходно знают Святополка Окаянного. «Святополк же седе в Киеве...», — читаем в Новгородской IV. ¹⁶ Она же дает перечисление двенадцати сыновей князя Владимира.

Далее в «Записках» следует отрывок о наследовании после Святополка киевского стола. Его наследниками названы Ярослав, Изяслав, Владимир Мономах. Отрывок очень краткий, имена князей просто перечислены. Более подробный фрагмент посвящен Андрею Боголюбскому. Он отмечен как потомок Мономаха, как князь, который перенес столицу государства из Киева во Владимир. Последнее замечание неоднократно встречается у Гейденштейна. В «Записках» читаем о деятельности Боголюбского: «... князь Суздальский Андрей, происходивший из того же поколения Владимира, заключив договор с 11 другими родственными князьями, свергнул Мстислава, который владел Киевским престолом, принадлежа тоже к потомкам Мономаха, и посадил на него сына своего Мстислава». Как и предыдущий отрывок, настоящий фрагмент находит себе параллель в Новгородской IV летописи. ¹⁷ Последним сообщением Гейденштейна, которое базируется на Новгородской IV летописи, является рассказ о крещении псковского князя Довмонта в 6774 г. ¹⁸

Второй отрывок «Записок о Московской войне» посвящен истории Пскова. Гейденштейн сообщает, что самое древнее упоминание о городе относится к 6412 г. «от сотворения мира». Эта дата находилась в псковских летописях, которые, как добавляет автор «Записок», «были в числе других в Полоцкой библиотеке и попали в наши руки». В летописи под 6412 г. Гейденштейн прочел, что сын Рюрика Игорь взял из Пскова себе в жены Ольгу, «от которой родился у него сын Святослав». ¹⁹

Упоминание псковских летописей, которые были непосредственно использованы автором, дата от сотворения мира и, наконец, само летописное известие — все это, без сомнения, ведет к одному источнику. И этим источником является летопись Пскова. Но было бы совершенно безрезультатно искать полностью совпадающее известие в опубликованных псковских летописях.

¹⁴ ПСРЛ, т. IV, с. 48.

¹⁵ Гейденштейн, с. 20.

¹⁶ ПСРЛ, т. IV, с. 99.

¹⁷ Гейденштейн, с. 21; ср.: ПСРЛ, т. IV, с. 161.

¹⁸ ПСРЛ, т. IV, с. 235; ср.: Гейденштейн, с. 196.

¹⁹ Гейденштейн, с. 195.

Действительно, если основной текст летописей Пскова датирует рассматриваемые события 6387 г. или 6362 г., то наблюдения над вариантами чтений дают исключительно интересные данные. На полях рукописи Архивского 2-го списка Псковской III летописи против сообщения летописной статьи под 6387 г., сообщения о женитьбе Игоря на Ольге, читаем «6412».²⁰ Именно эта псковская летопись и была близка к памятнику, использованному Гейденштейном.

В «Записках» помещено известие о борьбе Пскова с агрессией Тевтонского ордена. Гейденштейн указывает, что город был взят немцами «около 6750-го года». Однако вскоре Александр Ярославич «из рода Мономаха» отбил Псков. Князь получил от татарского хана Батыея в помощь «татарские вспомогательные войска». Но и после победы Александра Ярославича около Пскова происходили войны с ливонцами.²¹

Источником этого известия, вероятно, были псковские летописи. Наиболее близкое летописное сообщение находим в Псковской III летописи. В статье под 6748 г. памятника помещено сообщение о захвате города, а в статье под 6750 г. рассказывается о том, что Александр, возвратившись от Батыея, вместе с «низовцами» и повгородцами осадил Псков, освободил город и захватил много пленных. В этом же году «прислаша Немцы с челобитьем: что есмь зашли с мечем, того ся отступаем; и головами разменишася».²²

Интересно добавление Гейденштейна о том, что Александр использовал татарские вспомогательные войска. Чем можно объяснить подобную авторскую вольность? Видимо, Гейденштейн «развил» известие о том, что Александр, придя от Батыея, сразу отправился в поход на Псков. Умозаключение автора, вероятно, состояло в том, что если нападение произошло непосредственно после визита к Батыею, то последний помог военной силой. Думается, что это сообщение составлено современником осады Пскова войсками Стефана Батория, состоявшими в значительной степени из наемников, которым в свою очередь приходилось много раз сталкиваться с отрядами конницы служилых московских татар.

В «Записках о Московской войне» рассказывается о призывании в Псков из Литвы князя Довмонта. В известии также упоминаются сын Довмонта Давид и князь Андрей Ольгердович, который также приглашался псковичами. Заканчивается сообщение общей

²⁰ Псковские летописи, вып. 2. М., 1955 (далее — ПЛ), с. 73, сноска «д»: «На поле другим почерком: 6412». — Эта дата появилась при правке Архивского 2-го списка по другой редакции Псковской летописи. Последняя включала, так же как опубликованные псковские летописи, новгородский «Свод 1448 г.» (Лихачев Д. С. Русские летописи. М.—Л., 1947, с. 436). Но ее редакция отличалась от Новгородской IV и от Тихановского и Архивского 2-го списков.

²¹ Гейденштейн, с. 195.

²² ПЛ, вып. 2, с. 82.

сентенцией по поводу приглашения и изгнания жителями Пскова своих князей.²³

Сообщение основано на русских источниках. В русских летописях о Довмонте повествуется довольно подробно. В псковских летописях, помимо известий, заключенных в статьи, существует, подобно «Повести» об Александре Невском, «Сказание о благоверном князи Домонте и о храбрости его».²⁴ Оно и дает законченную сводку известий, почерпнутых из летописных статей (правда, «сына Довмонта» Давида, упомянутого Гейденштейном, памятник не знает). В этой связи надо полагать, что автор «Записок» скорее пользовался непосредственно летописью. В Псковской III летописи находим это известие под 6773 г. В нем говорится о том, что «князь Довмонт» бежал вместе с дружиной из Литвы. Здесь он крестился «во святеи Троици» и принял христианское имя Тимофей. Горожане посадили его «на княжение во граде Пскове».²⁵ Далее сообщается о победах Довмонта-Тимофея над врагами Пскова. Упоминается и литовский князь Давид, организовавший оборону города во время набега немцев в 1323 г.²⁶

Краткие известия о сыне Ольгерда Андрее имеются также в летописях Пскова. Он был князем Полоцка, а затем Пскова. В статье под 6849 г. Псковской III летописи находим это известие.²⁷

В конце отрывка у Гейденштейна читаем: «...а некоторых князей, управляющих ими не по их законам, они удаляли». Вероятно, искать особый источник для этого замечания не надо. Подобное резюме возникло при просмотре всей летописи Пскова.

Исключительно интересные сведения содержат «Записки о Московской войне» во второй части исторического этюда о Пскове. Экскурс в псковскую историю, посвященную падению последнего очага вечевой свободы, дает многое как для определения развития местного летописания первой половины XVI в., так и для определения одного из русских источников Гейденштейна. Отрывок датируется 7018 г., «когда (Псков, — Ю. Л.) был лишен свободы Васильем Ивановичем, отцом нынешнего государя». Далее следует краткое описание этого события. Из сообщения Гейденштейна узнаем, что великий князь Василий назначил князем в Псков Ивана Михайловича Ренку, по прозвищу «Найденныш». Псковичи не были довольны его правлением. Поэтому, когда великий князь прибыл в Новгород, к нему была послана делегация от Пскова с жалобами на наместника. Василий потребовал приезда к нему наиболее влиятельных горожан. Когда

²³ Гейденштейн, с. 196.

²⁴ ПЛ, вып. 2, с. 16—18.

²⁵ Там же, с. 83.

²⁶ Там же, с. 89. — Отметим только, что Давид, кажется, не являлся псковским князем, а просто был приглашен псковичами для обороны города.

²⁷ ПЛ, вып. 2, с. 95—96.

псковичи прислали выборных, они были арестованы великим князем. Затем Василий объявил о запрещении веча и тем самым уничтожил последние остатки автономии Пскова.²⁸

Рассмотрим этот отрывок. Прежде всего отметим, что источник рассказа Гейденштейна псковский. Московские своды сообщают о падении Пскова значительно лаконичнее, без излишних подробностей, а также с определенной тенденциозностью (враждебность к псковичам).²⁹

Наибольший интерес для определения источников представляет продолжение Погодинского списка Псковской I летописи — памятник, который заканчивается 1547 г. У Гейденштейна о псковском наместнике читаем: «Василий назначил князем этого города Ивана Михайловича Репку, которого прозвал „Найденыш“, так как они (псковичи, — Ю. Л.) его не просили, но он некоторым образом был им навязан». Просмотр статей продолжения Погодинского списка Псковской I летописи позволяет утверждать, что Гейденштейн взял прозвище «Найденыш» из русского письменного источника. В этом памятнике под 7017 г. рассказывается, что великий князь Василий Иванович послал в Псков князя Ивана Михайловича Найдена, «а потому его называли Наиденом, а он не поплиною приехал, напли его псковичи на Загорьском дворе; а священники против его со кресты не ходили, а пели молебен на Торгу, да шли ко святей Троицы, да посадили на княжение у святей Троицы; и бысть той князь лют до людей».³⁰ Как видим, полное сходство с текстом Гейденштейна, который просто сократил текст о «Репке». Нахождение «Найденыша» позволяет уже со всей определенностью производить сверку «Записок о Московской войне» с Погодинским списком Псковской I летописи.

У Гейденштейна читаем: «Когда Василий находился случайно в Новгороде, то город отправил к нему послов, чтобы подать некоторые жалобы на этого («Репку», — Ю. Л.) наместника». Аналогичный текст летописи очень близок, хотя безусловно более обширен и обстоятелен.³¹

Затем летопись очень подробно сообщает о дальнейших событиях, кульминацией которых является захват великим князем «лучших людей» Пскова. Гейденштейн при изложении ограничивается одной фразой: «Когда же Иван пришел в Новгород к Василию, то по совету его самого Василий вызвал большую часть сенаторов (думных людей), чтобы в присутствии их покончить споры; а затем всех послов посадил в темницу, объявил жителям

²⁸ Гейденштейн, с. 197.

²⁹ См., например, это сообщение в Своде 1518 г.: ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1962, с. 345.

³⁰ ПЛ, вып. 2, с. 92.

³¹ Там же.

Пскова, чтобы они уничтожили вече». Летопись очень подробно излагает этот эпизод.³²

Сообщение Гейденштейна о приезде в Псков великого князя заимствовано также из летописи, близкой к Псковской I летописи. Отличие заключается только в том, что польский историк сокращал свой источник. В «Записках» читаем: «Получив их (заложников, — Ю. Л.), князь сам прибыл во Псков, в 24-й день месяца января, в день св. Ксении, которой и посвятил храм в память удачного окончания дела». Гейденштейн почти повторил летопись. Она дает чтения: «...месяца генваря в 24, на память преподобныя матере нашей Аксеньи (вар. Ксении), в день в четверг, приехал государь наш князь великий Василей Иванович всеа Руси во Псков».³³ Известие о закладке церкви также находим в летописи, правда, в конце сообщения о пребывании князя в новой «отчине».³⁴ Гейденштейн пишет, что по приезде в город Василий отправился «сперва в храм Спасителя, затем в храм Троицы, покровительству которой вверили себя граждане». Автор «Записок» буквально следует летописи, опуская лишь некоторые специфические выражения летописного стиля. Отличие, кроме сокращений, заключается и в справке Гейденштейна о местной святине — церкви св. Троицы, «покровительству которой вверили себя граждане». Но это замечание польский историк, видимо, также почерпнул из летописи, в которой многократно говорится об особом пиетете псковичей к своей соборной церкви.³⁵

Гейденштейн рассказывает и о действиях великого князя в Пскове. Абсолютно все факты заимствованы из Псковской I летописи, которая, естественно, сообщает о разорении города очень подробно.³⁶ Известие об уходе «дворян» в монастыри, которое читаем у Гейденштейна, — почти дословный перевод фразы русского источника: «А иные во граде мнози постригахуся в черныцы, а жены в черницы и в монастыри поидоша, не хотяще в полон пойти от своего града во иные грады».³⁷ Сообщение о приезде москвичей на место высланных из Пскова также находит себе параллель в летописи в статье под 7018 г.: «Того же лета к троицѣну дни поехаша гости сведеные москвичи з десяти городов 300 семеи».³⁸ Наконец, фраза Гейденштейна о полном подчинении Пскова великому князю могла быть и резюме самого историка, ориентирующего на общий тон статьи памятника, который превосходно отразил идею летописца.

³² Там же, с. 94—95.

³³ Гейденштейн, с. 197—198; ср.: ПЛ, вып. 1. М.—Л., 1941, с. 95.

³⁴ ПЛ, вып. 1, с. 96.

³⁵ Там же, с. 95.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же, с. 96.

³⁸ Там же, с. 97.

Итак, надо признать, что Гейденштейн использовал для своего экскурса в историю Пскова местный памятник. Эта летопись по своему составу близка продолжению Погодинского списка Псковской I летописи.

Необходимо остановиться еще на одном фрагменте книги Гейденштейна. Речь идет об исторической и географической справке, относящейся к Полоцку. Этот отрывок уже привлекал внимание исследователей. Было отмечено сходство отрывка с легендой карты, изданной в Риме в 1580 г. Карта посвящена военным действиям между Россией и Польским королевством в 1579 г.³⁹ Приложением к ней было несколько планов городов, в том числе Полоцка. План последнего был снабжен довольно подробной легендой-аннотацией, посвященной истории города. Этот текст и текст отрывка Гейденштейна очень близки. Однако ни переводчик, ни комментатор труда Гейденштейна не указали, что лежит в основе данного отрывка «Записок о Московской войне» и в основе легенды карты.⁴⁰

Рассказывая о походе на Полоцк, Гейденштейн сообщает, что город в древности имел собственных князей и что «около 980 года от Р. Х., или, по летосчислению русских, около 6488 лета», там княжил Рогволд. Последний вместе с двумя сыновьями был убит Владимиром. Автор добавляет, что, «по рассказу русских летописей», причина гибели полоцких князей заключалась в отказе Рогнеды, дочери Рогволда, выйти замуж за Владимира. Как видим, здесь Гейденштейн непосредственно делает ссылку на свой источник — русские летописи. Следующий отрывок, несколько более суммарный, приводится автором без упоминания тех материалов, которые им были использованы. Гейденштейн указывает, что Полоцк после захвата его Владимиром перешел во владение русских князей, а затем отошел к Литве, «как и некоторые другие русские области». Во время правления великого князя литовского Ягайло город был захвачен его братом Андреем. Ягайло, который стал польским королем, послал войска под Полоцк и захватил его вновь. Полоцк оставался под польско-литов-

³⁹ Речь идет о карте, созданной Станиславом Похилевичем, непосредственно участвовавшим в военных действиях. Он, как хороший картограф и художник, сделал две карты и восемь чертежей, посвященных войне Стефана Батория с Москвией. На второй карте, которая изображает осаду Пскова, помещена интересующая нас легенда. О Похилевиче и его трудах см. монографию проф. Бучека: Buczek K. The history of Polish cartography. Wrocław—KraKów—Warszawa, 1966, p. 50—51. — К сожалению, в этом издании помещена только карта Полоцка (карта № 25), к тому же легенда на ней не читается. В старом издании М. Коркунова обе карты, в том числе и интересующая нас, воспроизведены значительно лучше. Здесь же помещены и переводы легенд с остальных планов. См.: Коркунов М. Древний атлас Полоцкого княжества. — ЖМНП, 1837, август, с. 235—250, а также приложения № 1 и 2. — См. также воспроизведение этих картографических источников в кн.: Сапунов А. Витебская старина. Витебск, 1885.

⁴⁰ Гейденштейн, с. XI, III, IV.

ским управлением «до 1563 г., пока не был взят и завоеван Иваном Васильевичем, московским царем».⁴¹

Первый отрывок безусловно находит себе параллель в летописях. В Синодальном списке Псковской II летописи под 6488 г., т. е. под той же датой, что и у Гейденштейна, читаем: «Прииде Володимир... и посла вестыныкы к Рогволоду в Полтеск, ркущи: хощю поняти дщерь твою себе жене. Оного же дщи не хоте, ркущи: не хощу изоути робичища, а Ярополка хощю. Володимир же възъярився, иде ратью к Полтеску и уби Рогволода и два сына его, а дщерь его Рогнеду поя себе жене».⁴² Очень близок к этому отрывку и фрагмент Архивского 2-го списка Псковской III летописи.⁴³ Таким образом, источник Гейденштейна не вызывает сомнений.

Второй отрывок, повествующий о дальнейшей истории города, на наш взгляд, компилятивен. Сведения могут быть почерпнуты Гейденштейном из ряда источников, не исключая и устных. Так, вряд ли можно найти в письменных источниках параллель фразе: «После этого (т. е. после завоевания Полоцка Владимиром, — Ю. Л.) Полоцк перешел во владение государей и князей русского народа; когда их племя, княжившее в Южной Руси, угасло, Полоцк перешел к Литве, как и некоторые другие русские области». Подобные сведения могли быть основаны и на устной традиции, а также быть результатом ознакомления самого автора с историей Литвы, с трудами своих предшественников. Вторая фраза Гейденштейна, повествующая о захвате Полоцка литовским князем в период правления Ягайло, о походе Ивана Грозного в 1563 г., вероятно, основана как на польских, так и на русских источниках. О княжении в Полоцке князя Андрея Ольгердовича упоминается в псковских летописях.⁴⁴ Эти источники сообщают о нем очень подробно, ибо он крестился в Пскове и был некоторое время псковским князем. Естественно, датировать пребывание в Полоцке Андрея временем коронации Ягайло в Кракове русские источники не могли («... Андрей захватил владычество над Полоцком почти в то самое время, когда Ягайло принимал знаки королевской власти в Кракове»). Не исключено, что подобная датировка заимствована Гейденштейном из любого труда польской историографии, так как в каждом из них коронации Ягайло уделено достаточное внимание.

И наконец, сообщение о том, что Полоцк «был взят и завоеван Иваном Васильевичем, московским царем». Это известие Гейденштейн мог заимствовать из польских нарративных и актовых источников, точно так же как и из устных источников и русских летописей. В Строевском списке Псковской III летописи, напри-

⁴¹ Там же, с. 49—50.

⁴² ПЛ, вып. 2, с. 10.

⁴³ Там же, с. 74.

⁴⁴ Там же, вып. 1, с. 18—21, 24, 144; вып. 2, с. 24—27.

мер, находим обширный и весьма обстоятельный рассказ под 7071 г., т. е. под 1563 г., как и у Гейденштейна.⁴⁵

Итак, надо полагать, что отрывок об истории Полоцка в сочинении Гейденштейна носит компилятивный характер, его источники могли быть как устными, так и письменными. Последние принадлежали, вне всякого сомнения, к русским летописям (на это указывает текстологическое сходство известий о начальной истории Полоцка и даты от сотворения мира). Возможно, что Гейденштейн использовал, помимо летописей, и польские источники, правда, весьма суммарно.

Отмеченное в историографии сходство между отрывками Гейденштейна и легендой карты-плана Полоцка, видимо, объясняется тем, что в их основе лежал один текст. Подобный текст, основанный, как было указано выше, на русских и польских источниках, мог быть составлен при осаде Полоцка в королевской канцелярии. Такие официальные реляции широко распространялись в Европе во время войны Стефана Батория с Москвой, как отмечают и сами издатели Гейденштейна.⁴⁶ Таким образом, сведения, почерпнутые из русских летописей, могли быть заимствованы и королевским секретарем, и римским картографом.

Подведем итоги. Прежде всего отметим, что ссылки Гейденштейна на русские летописи не являются литературным приемом автора, заинтересованного в том, чтобы убедить читателя в правдоподобии изложенного материала. В «Записках о Московской войне» были действительно использованы русские нарративные источники. Кроме того, Гейденштейн заимствовал материал из сочинения Герберштейна, хотя на него в тексте нет ссылок, и сведения из канцелярии короля и Замойского. Но основой очерков по истории Руси были русские летописи.

Надо признать, что автор «Записок» в известной степени был прав, квалифицируя свои источники по нескольким видам: «псковские», «московские». Действительно, был использован комплекс летописей Пскова. Видимо, можно предположить, что источниками польского историка были две псковские летописи. Обе они были правлены по источникам, включавшим новгородский «свод 1448 г.». Но одна была правлена по Новгородской IV, а другая по Новгородской V летописи. Кроме того, был третий летописный источник. Ряд его чтений указывает на то, что это была летопись, близкая к Новгородской IV, по терминологии Гейденштейна, «московская летопись». Думается, что автор «Записок» не был уж так далек от истины при определении ее

⁴⁵ Там же, вып. 2, с. 243—244.

⁴⁶ В предисловии к сочинению Гейденштейна указывается на издание многочисленных реляций и ведомостей, опубликованных во время войны при королевском дворе: «... уже при первом знакомстве с ними возникает большое предположение об их происхождении в польском лагере среди ученых-гуманистов, группировавшихся вокруг Замойского». См.: Гейденштейн, с. XLII.

вида. Надо учитывать, что его источник был действительно общерусским летописным сводом конца XV—начала XVI в., в котором находился обширный комплекс известий о «всей Московии», а не только о Северо-Западной Руси.

Необходимо отметить также значение Гейденштейна в европейской историографии сочинений о Московии. Автор «Записок», не использовавший трудов ни Длугоша, ни Меховского, ни их последователей и базировавший свое изложение на самостоятельном изучении русских летописей (в том числе и неизвестных на Западе), стал родоначальником нового направления в историографии. Его сочинение послужило основой для трудов о Руси в Западной Европе, и прежде всего во Франции, трудов, которые развивались самостоятельно, вне зависимости от длугошевской традиции.